

Евгений Рудашевский

ГОРОД СОЛНЦА

Книга 1

ГЛАЗА СМЕРТИ

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Р83

Художник Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Рудашевский, Евгений.

Р83 Город Солнца : Кн. 1. Глаза смерти : [для ст. шк. возраста : 12+] / Евгений Рудашевский ; [худож. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 336 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-494-7

Всему виной «Особняк на Пречистенке». Когда Максим узнал, что мама продаёт эту старинную картину, жизнь в подмосковном Клушино из размеренно-сонной превратилась в опасную. Почему за полотном безвестного Александра Берга охотятся сомнительные, на всё готовые люди? Как изображение малопримечательного дома связано с судьбой исчезнувшего отца, любителя загадок, шифров и скрытых смыслов?

19-летний герой, студент журфака, заинтересовался картиной лишь ради того, чтобы написать учебный репортаж, а в итоге оказался втянут в детективную историю. И следом втянул друзей: тихоню-одногоруппника Диму, энергичную и самоуверенную Аню, а также Кристину, которую встретил впервые, хоть и кажется, будто знал её всегда. Они начинают своё расследование — и быстро понимают, что оно заведёт их очень, очень далеко.

Первый роман в приключенческой серии «Город Солнца» выдаёт в Евгении Рудашевском человека, которого интересует на этом свете буквально всё: искусство, природа, студенческая жизнь, мотивы человеческих поступков — о чём бы ни писал молодой автор, получается познавательно и заразительно. С каждой новой книгой голос Рудашевского звучит всё более уверенно, а остросюжетность всё филиграннее переплетается с психологической глубиной. «Город Солнца. Глаза смерти» продолжает линию, заданную писателем в книгах «Солонго. Тайна пропавшей экспедиции» и «Бессонница»: приключенческий роман с двойным дном, главные герои которого — ребята, впервые по-настоящему столкнувшиеся с миром взрослых. Это столкновение меняет их. Читатель же не может оторваться, следуя за героями.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-494-7 (Кн. 1)
ISBN 978-5-00083-531-9 (многотомник)

© Рудашевский Е. В., текст, 2018
© ООО «Издательский дом
«КомпасГид», оформление, 2018

In angello cum libello

Меня больше всего поражает в муравьях, жуках и других господах насекомых их удивительная серьёзность; бегают взад и вперёд с такими важными физиономиями, точно и их жизнь что-то значит!

Иван Тургенев

Коль жизнь моя нужна — бери её, Изида,
Но допусти узреть божественный твой лик.

Мирра Лохвицкая

Глава первая. АУКЦИОН

— Пристегни ремень.

Максим нехотя послушался. Не ожидал, что мама заедет за ним после университета. Ещё больше удивился, увидев её взволнованное лицо.

— И ничего не говори Паше.

Кажется, сказала это всерьёз. Никогда прежде не просила скрыть что-либо от отчима. Максим с подозрением взглянул на маму.

— Может, объяснишь, куда мы едем?

— Подожди. Сейчас всё узнаешь.

На повороте застучала подвеска. Они ехали слишком быстро.

Максим не любил эту машину. Серебристая «вольво» девяносто пятого года. Просторная и, несмотря на несуразный внешний вид, по-своему красивая, к тому же с открывающимся люком на крыше. Однако она напоминала об отце, а Максим предпочитал не вспоминать прошлую жизнь.

Они с мамой уже шесть лет жили в подмосковном доме отчима. Деревня Клушино. Та ещё дыра. Местные жители говорили об уединённости, о лосиных и кабаньих тропках, о Клушинской горе с её бугельным подъёмником и приезжими сноубордистами. Вот только настоящей уединённости там не осталось с тех пор, как рядом проложили скоростную трассу. Она оседлала четыре области, торжественно соединила Москву и Петербург и как-то враз обнажила всю никчёмность, захолустность самого Клушино — всего лишь очередной деревушки, спрятанной за шумозащитным экраном из оцинкованной стали.

— Открой бардачок. — Мама свернула на Тверской бульвар.

Максим, подавшись вперёд, потянул за тугую защёлку. Увидел, что в бардачке среди оплаченных счетов за электричество лежит тяжёлый альбом с мягкой глянцевой обложкой.

— Что это?

— Каталог.

— Аукционный дом «Старый век»... — прочитал Максим. — Собралась прикупить картину?

— Хочу тебе помочь. Ты же просил придумать что-нибудь интересное для репортажа.

Репортаж был практической частью экзамена по основам творческой деятельности журналиста. Сдать его нужно было к летней сессии. Со своим репортажем Максим управился ещё две недели назад, в феврале, и теперь подрабатывал, помогая сокурсникам. Копил на зеркальный фотоаппарат, а пока снимал на старенький смартфон «Нокиа N8». С одиннадцатого класса почти не брал у мамы денег. Она до сих пор не разобралась с кредитами, которые взяла после развода; теперь работала в доме детского творчества в Менделеево и, если бы не помощь отчима, столярничавшего на заказ, пожалуй, совсем бы в этих кредитах утонула.

— И что интересного в каталоге? — Максим нехотя перелистывал страницы.

— Интересное будет на предаукционной выставке. Мы как раз туда едем. Листай дальше, поймёшь.

Максим с сомнением провёл рукой по плотной бумаге. Пока ничего любопытного не заметил. Репродукции картин, их характеристики, краткие заметки о бытовании, справочные данные о художниках. Сразу два разворота были посвящены главному лоту — небольшому этюду Василия Верещагина. Из частной европейской коллекции. Холст, наложенный на панель, масло. Стартовая цена — два миллиона триста тысяч рублей. Остальные картины были значительно дешевле, цена снижалась с каждой страницей.

Максим, уже не вчитываясь, быстро перелистывал каталог, а потом замер.

— Нашёл? — догадалась мама.

— Эта картина... Кажется, я где-то видел её.

Художник — Александр Берг. «Особняк на Пречистенке». 1774 год. Холст, масло. Из частной коллекции, Россия. Стартовая цена — сто тридцать тысяч рублей.

— Постой, — Максим наконец вспомнил, — этот «Особняк», он же висел в Ярославле, в нашей комнате!

— Висел, — кивнула мама.

С тех пор как они переехали в Клушино, Максим больше не видел этой картины, да никогда бы и не вспомнил о ней, если бы сейчас не наткнулся на неё в каталоге.

Полотно, в общем-то, заурядное. Прямоугольное двухэтажное здание с одноэтажными флигелями по бокам и с зажатым между ними скудным цветущим садом. Под окнами — пышная, но однообразная лепнина. Обыкновенная картина без настроения, без выраженной атмосферы. Кажется, всё её достоинство составлял исключительно возраст.

Максим всматривался в цветную репродукцию, вновь и вновь перечитывал скуное описание, будто боялся упустить какую-то деталь. А главное, начал догадываться, почему вдруг мама решила скрыть их поездку от отчима. Картина могла быть связана с отцом Максима, а такая связь не понравилась бы Корноухову.

Мама снова вышла замуж через шесть лет после развода. Поначалу Максим ждал, что она придёт к нему поговорить об отце. Готовился к разговору, подбирал слова, а потом начал его опасаться. Не хотел вспоминать то, что успело позабыться. А с отчимом он за шесть лет так толком и не сошёлся. До сих пор не знал, как к нему обращаться. Называть его *отцом* Максим никогда бы не смог, а говорить ему, как раньше, «дядя Паша» теперь казалось неуместным. «Павел Владимирович» прозвучало бы совсем глупо. С мамой они были действительно близки, а вот Максим так ни разу и не обратился к нему напрямую, в разговоре с мамой всегда упоминал его по фамилии. Это было довольно странно, но все привыкли.

— «Сто тридцать тысяч»? — не удержавшись, вновь прочитал Максим.

— Как видишь.

— И ты едешь забрать деньги? Откуда эта картина вообще взялась?

— Кое-кто действительно уже хотел её купить. Но вообще аукцион начнётся после выставки. А едем мы, чтобы забрать картину. Я снимаю «Особняк» с продажи.

— Снимаешь? — Максим окончательно запутался. — Почему?

— Загляни ещё раз в бардачок.

«Вольво» вздрогнула на резиновом бугре «лежачего полицейского», затем плавно остановилась. Максим даже толком не понял, куда именно они приехали. Это был просторный дворик старых двухэтажных домов. Куцый фонтан молчал под снежным налётом, а в остальном всё было тщательно выметено от сугробов. Во двор выходили сразу три широких крыльца, и на одном из них толпились люди. Там же висела афиша с названием аукционного дома.

Максиму пришлось вновь повозиться с тугой защёлкой бардачка. Бросив в него каталог, он достал из-под счетов синюю папку. В ней лежал реставрационный паспорт — скреплённые степлером листы, в которых рассказывалось о реставрации «Особняка на Пречистенке».

— Перед продажей картину всегда реставрируют, — сразу пояснила мама. Поставила машину на ручник и теперь повернулась к Максиму. — Делают её...

— Более привлекательной?

— Ну да. Главное не переборщить. К первоначальному виду картину всё равно не вернуть.

— Почему?

Максим продолжал задавать вопросы, а сам неспешно листал паспорт, надеясь в мешанине терминов и сокращений найти хоть что-то интересное.

— Ну, можно убрать загрязнения, подновить лак, снять то, что успели подрисовать другие художники. Но оптическая структура красок с годами меняется. Они... иначе выглядят. И это уже никак не изменить. Понимаешь?

— Понимаю.

Раньше мама была искусствоведом. Преподавала в Строгановке, работала в музеях. До развода помогала отцу Максима в его фирме — занималась антиквариатом. Деталей Максим не знал. С тех пор как отец ушёл, они с мамой об этом никогда не говорили.

— Сейчас не осталось картин старше трёх веков. Таких, чтобы их никогда не реставрировали. Ну, за редким исключением. Как правило, картина, даже самая заурядная, проходит две-три реставрации. Иногда больше.

в) общее заключение о состоянии памятника:

Мн

поведх

VI. СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА

ПАСПОРТ

реставрации памятника истории и культуры
(двухимого)

реставрация - Мила!!!
А.С. 99

Год поступления	Видя памятника	№ по книге поступлений № инвентарный п-ка
2017	Картина	Ж-427

I. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКА
памятника изобразит. искусства (1)

II. МЕСТО постоянного хранения, владелец п-ка
Аукционный дом «Старый век»
(№ по владельческому каталогу: НР-25-09)

III. КАТАЛОЖНЫЕ ДАННЫЕ о памятнике:

Наименование	Особняк на Пречистенке
Автор	Александр Берг (?)
Время создания	1774
Материал, основа	Холст
Техника исполнения	Масло
Размеры	96,5 x 81,5 см

IV. ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РЕСТАВРАЦИИ

потемневшие и пожелтевшие разновременные покрывные лаки,
изменившиеся в цвете и тоне старые разновременные тонировки,
ветхие крошки.

6	Химический анализ авторского грунта	Волокон... Охра с добавлением силикатного песка... свинцовых масляных белил.
---	-------------------------------------	--

— *Убирают загрязнения?* — Максим отвлекся от паспорта и теперь торопился записать всё в блокнот. Это могло пригодиться в работе над репортажем.

— Не только. Самая большая беда в том, что картина темнеет. Иногда повисит в музее лет пять-шесть и уже покрывается такой, знаешь, серой вуалью. Лак теряет прозрачность.

— Хорошо. Я это использую, — Максим просмотрел сделанные записи и вернулся к отложенному реставрационному паспорту. — Но я так и не понял, почему ты в итоге решила не продавать картину, если она уже в каталоге, если уже есть покупатель.

— Читай дальше. — Мама поглядывала на людей у парадного крыльца. Ей хотелось скорее попасть на выставку, однако Максима она не торопила. Опустила солнцезащитный козырёк с зеркальцем и принялась подводить губы.

— «Кромки старого реставрационного холста слабые, перегоревшие от времени, — Максим время от времени начинал читать вслух. — По всей поверхности красочного слоя многочисленные тонировки, находящиеся между слоями лака... Виден характерный рисунок масляных разрывов».

Мама теперь осматривала ногти. Показывала, что готова ждать до тех пор, пока Максим не сообразит, в чём тут дело.

— Ты так и не сказала, откуда она у тебя.

— Старый подарок.

— Ясно. — Максим поморщился.

Мамин ответ прозвучал не очень уверенно.

— И где она была все эти годы?

— Висела у подруги.

— Ясно. А почему ты не выставила её раньше?

— На «Особняк» нет документов. И продать его сложно.

Максим кивнул. Ещё одна причина скрывать сегодняшнюю поездку от Корноухова. Он бы никогда не одобрил продажу картины без документов. Отчим был слишком щепетильный. И маме это нравилось. После истории с отцом ей, пожалуй, нужен был именно такой человек.

— А почему владельцем в паспорте записан аукционный дом?

— Потому что я попросила нигде не указывать моё имя.

— «На подрамнике обнаружен неопознанный оттиск на сургучной печати». Так... Это понятно. «Записи, которые закрывают всю поверхность изображения окон, не читались и создавали впечатление авторской живописи». Это тоже понятно... — бормотал Максим. Начал недовольно постукивать подошвой по резиновому коврику в ногах.

Всё это послужило бы неплохим материалом для репортажа. Можно в подвёрстке рассказать о работе реставраторов, которые готовят картину к продаже и о существовании которых многие не догадываются. Однако никакого объяснения, почему мама вдруг решила отказаться от ста тридцати тысяч, в паспорте не было. Как не было и правдоподобного ответа, откуда она вообще взяла картину, почему все эти годы прятала её и что... Перевернув очередной листок и прочитав первые строки новой страницы, Максим притих.

— Ну? — Мама улыбнулась. — Понял?

Максим медленно кивнул.

С каждой новой строчкой его интерес только усиливался.

Картина оказалась не такой уж простой.

Глава вторая. «САВЕЛЬЕВ И СЫНОВЬЯ»

Савельев заметил пятно краски на безымянном пальце левой руки. Недовольно поморщился. Мельком, будто невзначай, осмотрел манжеты. Они были чистыми. И рукава чистые. Только это пятно — такое яркое, броское.

Савельев достал бейджик и аккуратно прицепил его к карману сорочки. «Савельев Вячеслав Алексеевич. Реставратор высшей категории». Будто надпись могла оправдать его нечистоплотность.

Постоял какое-то время, потом нервно снял бейджик и спрятал его в кармане брюк.

— Глупость... — прошептал Савельев.

В последнее время он часто говорил вслух. Пожалуй, такая странность могла привлечь внимание куда больше, чем краска на пальце. Савельев сжал губы.

Вскоре, позабыв о пятне, стал с интересом следить за посетителями. Здесь, в небольшом выставочном зале аукционного дома «Старый век», собралось не меньше пятидесяти человек. И это ещё не все: торжественная часть начнётся в девять. К этому времени Вячеслав Алексеевич вернётся в мастерскую. Он всегда так поступал. Приходил лишь в первый час. Чтобы посмотреть на людей, на картины. И почувствовать собственную власть.

Посетители в начищенных ботинках расхаживали по бетонному полу холодной венецианской мозаики, вдоль стен, покрытых тёмной галечной плиткой, и тихо обсуждали вывешенные для продажи полотна. Смотрели на них в мягком оптоволоконном свете, то и дело заглядывали в каталог, чтобы прочитать историю и характеристику картины, что-то записывали себе в телефон. Приценивались, примерялись. Им было невдомёк, что настоящим владельцем каждой третьей из представленных тут работ навсегда останется Савельев. Они могут доставать из кошельков красно-оранжевые банкноты

и пластиковые карты, могут смело размахивать номерными карточками, перебивая чужую цену, а потом с гордостью показывать друзьям покупку, для которой подберут какое-нибудь убогое местечко над камином или у лестницы на второй этаж. Всё это не имело значения.

Именно Савельев выбирал, какими станут эти картины. По большей части они к нему попадали с потемневшим лаком, с затёками воды, мушинными засидами, брызгами от побелки, иногда — с прорывами. И всякий раз в его власти было сохранить мягкие полутона старения. Или разом сорвать многолетний налёт, чтобы картина, разбуженная от долгого сна, закричала во всё горло, словно взбесившийся фаянс.

— *Взбесившийся фаянс...* — Вячеславу Алексеевичу нравилось это выражение братьев Гонкур.

Свою роль играла и близость с картиной, достижимая лишь в глухих стенах реставрационной мастерской. Савельев видел, как день за днём из-под слоёв грязи и чужих записей наружу проступает истинное звучание красок. Он кропотливо, наслаждаясь медлительностью работы, снимал внешние пылевые загрязнения, удалял надлаковые записи и сами лаковые покрытия. Затем снимал подлаковые загрязнения и записи. Наконец бережно, миллиметр за миллиметром, избавлялся от старого реставрационного грунта. И лишь тогда замирал в восхищении. Картина, нехотя одолевая вековую стеснительность, в итоге обнажала подлинные переливы своих тонов и теней. Как взрослый хаски, проданный по объявлению, будет служить новому хозяину, но навсегда сохранит преданность лишь тому, кто приручил его в детстве, так и картина, проданная с аукциона, останется верна лишь своему реставратору.

Услышав в зале громкие голоса, Вячеслав Алексеевич вздрогнул. Слишком глубоко ушёл в свои мысли, и ему потребовалось ещё несколько секунд, чтобы очнуться.

У северной стены, возле выставленных и уже отчасти сервированных фуршетных столов, завязался спор. И спорили там чересчур эмоционально. Остальные посетители изредка поглядывали в ту сторону, пытались разобраться, что послужило причиной ругани, но в остальном делали вид, что их интересуют лишь картины.

Поначалу Савельев заметил, что больше всех ругается девушка в зелёном брючном костюме. Она была чем-то недовольна и всё своё негодование выплёскивала на Кристину, дочь Абрамцева — владельца аукционного дома. Светловолосая и улыбчивая, Кристина пошла в мать. После развода осталась с ней, а два года назад вернулась к Дмитрию Ивановичу — поступила в Строгановку на теорию и историю искусств, теперь изредка помогала отцу на выставках и аукционах.

Девушке в брючном костюме помогал чернобородый мужчина в чёрных кожаных ботинках — судя по всему, армейских. Неуклюже затянутый в твид дорогого пиджака и поблёскивавший серебряными запонками мужчина выглядел неприятно. Каждое его движение, скованное неудобной одеждой, выдавало звериную силу. Глаза были крохотными, тёмными.

Вячеслав Алексеевич сделал несколько шагов к столам, надеясь хоть чем-то помочь Кристине, но вскоре увидел, что спор прекратился сам собой.

— Когда будет Абрамцев? — раздражённо бросила девушка в брючном костюме.

— Должен скоро подойти, — с усталой улыбкой ответила Кристина. — К девяти часам он точно...

— Отлично. Тогда передайте ему... — Девушка вдохнула чуть глубже, будто захлёбываясь собственной яростью и опасаясь запутаться в словах. — Передайте, что я это так не оставлю.

Неприятный голос, срывающийся, истеричный. Закрыв глаза, можно было представить женщину лет сорока и даже больше и уж точно не такую молодую и ухоженную девушку.

Из тех слов, что услышал Вячеслав Алексеевич, стало понятно: возмущение вызвано отсутствием на предаукционной выставке одной из заявленных в каталоге картин. Такое случилось, в этом не было ничего исключительного. Вот и с апрельского аукциона сняли две картины. Савельев хорошо знал обе. И только одна из них была достойна подобных страстей.

— Странно... — прошептал Вячеслав Алексеевич.

Задумчиво посмотрел вслед уходившей девушке в брючном костюме и сопровождавшему её чернобородому мужчине. Усмехнулся

тому, как галантно, будто невзначай, все уступают им дорогу — делают вид, что не слышали ссору и сейчас расступаются не из страха перед этими людьми, а с единственным желанием поближе подойти к заинтересовавшей их картине.

Хлопнула стеклянная дверь.

Из колонок заиграло фортепиано. Что-то мягкое, едва различимое — из того, что можно услышать в дорогих ресторанах, где музыка, даже самая приятная, призвана лишь усилить аппетит. Это, конечно, Кристина позаботилась. Хотела очистить зал от затерявшихся по углам отголосков недавней ругани.

Вячеславу Алексеевичу пора было возвращаться в мастерскую. В этот раз не удалось сполна насладиться чувством собственного превосходства, однако никто не мешал ему повторить такой выход завтра.

Уже приблизившись к двери с чёрной табличкой «Только для персонала», он заметил новых посетителей и ненадолго остановился. Женщину в коричневой кофте Савельев узнал сразу. Это была Шустова Катя. Они не виделись много лет. Вячеслав Алексеевич считал, что Катя до сих пор живёт в Ярославле, и удивился её появлению. Не знал, что та сама приедет за картиной. Рядом с ней шёл юноша — наверняка её сын, Максим. Савельев видел его ещё совсем маленьким.

В шерстяном ламберджеке красной и чёрной клетки, наподобие того, что носят канадские лесорубы, в джинсах, в потрёпанной коричневой кепке и высоких грубых ботинках, Максим едва ли напоминал своего отца. Шустов-старший предпочитал не менее свободную, но куда более представительную одежду.

Савельев улыбнулся, вспомнив годы, когда его можно было очаровать рассказами о путешествиях, о стычках с дикими племенами где-нибудь в джунглях Амазонии, о загадочных островах, где по сей день лежат позабытые шедевры архаического искусства. Вспомнил, как в Боливии погиб один из друзей Шустова — тот, который частенько приносил на реставрацию сомнительные картины и всякий раз настаивал на «предельной конфиденциальности». Вспомнил и то, что в последние годы случилось с самим Шустовым.

Нет, на первый взгляд Максим не был похож на отца. И всё же, несмотря на эту одежду, несмотря на общую угрюмость, в нём

безошибочно угадывалось что-то шутовское. Достаточно было понаблюдать за тем, как он идёт, как говорит, как быстро меняется мимика его подвижного лица. А главное, Максим был таким же худым, высоким, и на лоб из-под кепки выбивались такие же густые каштановые волосы.

Вячеслав Алексеевич ушёл, так и не поздоровавшись с Катей и её сыном. Знал, что всё равно скоро увидит их у себя.

Аукционный дом «Старый век» располагался в особняке девятнадцатого века на Поварской улице. В этом же особняке разместились и реставрационная мастерская «Савельев и сыновья». Именно туда вёл узкий коридор, прятанный за дверью с табличкой «Только для персонала».

Вячеслав Алексеевич называл этот коридор чистилищем. Здесь на смену шумной выставке приходило молчание гладкого прорезиненного ковролина и зелёных стен из стеклоблоков. Можно было наконец расслабиться. Тут никого не смущало пятно краски на пальцах.

— Зря ты, Катя, зря. Ведь всё испортишь. Сидела бы в своём Ярославле, а мы бы сами разобрались.

Разговоры вслух в коридоре тоже никого не пугали.

Зайдя в мастерскую, Савельев с наслаждением вдохнул сухой, пахнущий растворителями и красками воздух. Прошёл мимо расставленных на держателях и замотанных в ткань картин, мимо сгруженных в углу подрамников и недавно привезённого багета. С облегчением, соскучившись после отлучки, посмотрел на теснившиеся по стеллажам прозрачные банки с ацетоном, уайт-спиритом, на молочно-белые смеси уже готовых эмульсий. Наконец приблизился к стулу, на котором лежал его суконный кислотостойкий халат. Привычным движением надел халат поверх сорочки и пуговичных подтяжек, затем сел за рабочий стол.

В сосредоточенном умиротворении вернулся к заказу, начатому на прошлой неделе. Вячеслав Алексеевич обслуживал не только аукционный дом. Брал на чистку работы из музеев и частных коллекций. В последнее время это стало чуть ли не главным заработком мастерской.

Шустовы пришли через полчаса, в сопровождении Абрамцева. Дмитрий Иванович выглядел прекрасно. В коричневых кожаных оксфордах с едва заметными стежками шнурков, в лёгком тёмно-жёлтом костюме, он, как всегда, шёл уверенно, почти напористо. Морщины возле глаз и в уголках рта показывали неизменную готовность Абрамцева улыбнуться. Савельев знал: этой улыбкой он мог расположить к себе любого, самого привередливого покупателя. Дмитрий Иванович не позволял себе не то что пятна от краски на пальцах — даже пылинки на плечах дорогого пиджака. Но в этом не было напыщенности. Абрамцев, при всей лощёности, всегда казался естественным.

Он подвёл Шустовых к столу Савельева, но Вячеслав Алексеевич сделал вид, что глубоко увлечён работой и не замечает посетителей.

Савельев, в свои пятьдесят два года располневший и поседевший, тем не менее сохранил неплохое зрение. Он обходился без очков и только вынужден был низко склоняться над полотном, которое лежало перед ним на рабочем столе. Зажав пальцами туго скрученный тампон с эмульсией, он кругообразными движениями обрабатывал один из участков покрывного лака. То и дело останавливался, чтобы протереть его сухим тампоном, подцеплял скальпелем обнажившуюся грязь, иногда заглядывал в окуляр микроскопа, чтобы убедиться в целостности ещё не раскрытого красочного слоя.

Абрамцев не ожидал, что Савельев так себя поведёт. В конце концов вынужден был отчётливо позвать:

— Вячеслав Алексеевич?

Савельев с неудовольствием отвлёкся от работы. Наложил на картину сразу два небольших компресса из смоченной в бычьей желчи фланели и только после этого нехотя посмотрел на Шустовых. Правда, вместо приветствия сразу спросил:

— Так, значит, вы её заберёте?

Голос Савельева прозвучал сухо. Картина в самом деле его заинтересовала. Точнее, заинтересовал её первоначальный слой. Да, картина оказалась двухслойной. Под внешним изображением особняка пряталось более старое изображение, которое пока оставалось загадкой. Для всех, но не для Савельева.

Такое случается. Художник мог использовать картину другого мастера или закрасить собственное полотно. Например, Иван Никитин, когда ему потребовалось написать Петра Первого на смертном одре, взял одну из своих недавно законченных работ, потому что готового холста не нашлось, а натягивать новый холст на подрамник, да ещё и грунтовать его не осталось времени. Под руку попало изображение девочки, которую Никитин в итоге перевернул вниз головой. Картина получилась двухслойной, и первоначальное изображение теперь навсегда скрыто. Никто в здравом уме не будет счищать посмертный портрет императора, а разделить слои — так, чтобы сохранить их нетронутыми, — технически невозможно.

О существовании внутреннего слоя у «Особняка» Савельев узнал после того, как снял старый реставрационный лак. Грунт картины успел растрескаться, и через эти трещины, по краям напоминавшие расколотую льдину, в микроскоп хорошо просматривались оба слоя. Савельев был уверен, что первоначальное изображение нанёс всё тот же Александр Берг — живописец совсем неизвестный и почти нигде не отмеченный. Это не вызывало сомнений, ведь совпадал химический состав красок.

Чтобы судить о том, что именно скрыто под особняком на Пречистенке, требовалась рентгенография, но Катя от неё отказалась. Она вообще повела себя странно. Поначалу потребовала закончить реставрацию и выставить «Особняк» таким, толком не изученным, — судя по всему, ей были срочно нужны деньги и она боялась затягивать продажу, ведь первым слоем вполне могла оказаться какая-нибудь мазня. А теперь она вдруг решила забрать картину. Абрамцев, Катин старый знакомый, не стал возражать, хотя формально они подписали договор и без штрафов пойти на попятную в другом аукционном доме ей бы не разрешили.

— Да, Вячеслав Алексеевич. — Абрамцев поправил сложенный уголком платок в кармане пиджака. — Екатерина Васильевна забирает картину. Жаль, что вы не успели её упаковать.

Сторонний человек ни за что не распознал бы в голосе Абрамцева недовольство. Слишком уж мягко, непринуждённо он говорил.

Но Савельев сразу понял, что Дмитрий Иванович удивлён и по-своему рассержен. Он предпочёл бы скорее вернуться на выставку.

— Очень, очень жаль, — медленно произнёс Савельев и встал из-за стола.

Абрамцев, конечно, не сказал Кате, что вопреки её желанию, да, собственно, ещё до того, как она успела это желание озвучить, поручил ему, Савельеву, сделать рентген картины. И они теперь оба знали, что скрывается под внешним слоем. Оба понимали, какое это имеет значение. И всё же Абрамцев вот так, с непринуждённостью, выпускал «Особняк» из своих рук. Дмитрий Иванович всегда был понапрасну щепетилён в общении с друзьями. Да, Кате повезло, что их с Абрамцевым связывала давняя дружба. Савельев не стал бы с ней церемониться.

Подумав так, он беззвучно усмехнулся, но всё же прошёл к мольберту, на котором до сих пор, уже отреставрированный, стоял «Особняк» Берга.

— Интересное полотно. И, знаете, работа оказалась не такой простой.

Савельев всеми силами оттягивал расставание с картиной. И говорил. Много говорил. Будто надеялся, что Катя в последний момент изменит решение и оставит её для дополнительных исследований.

— Тут по краям были затёки воды. Старые. Думаю, им было лет пятьдесят. От таких сложно избавиться. — Савельев мизинцем, не прикасаясь к лаку, показывал на участки, о которых говорил.

Катя и Абрамцев переглянулись, но так и не успели ничего сказать, им помешал Максим. Он всё это время молчал, а тут стал спрашивать о проделанной реставрационной работе. Сейчас, без кепки, он ещё больше напоминал отца. И голос... Ровный, выдающий отдельные нотки глубины. Когда-то так же говорил Шустов-старший. Ну или почти так же.

— О, тут всё интересно, — с готовностью отвечал Савельев. — По центру такого затёка краски оказываются светлыми, да. А вот по краю получается тёмный ободок из грязи и частиц пигмента. Ведь пигмент вымывается из центра и расходится по краям. Так вот, грязь убрать несложно, а пигмент устранить до конца не получается.

— Я ничего не вижу.

Максим внимательно разглядывал указанное место. Потом достал смартфон и стал фотографировать — и полотно, и мольберт, и стоящие поблизости стеллажи, и самого Савельева.

— Ну, в таких случаях приходится прибегать к тонировке. А вы, молодой человек...

— Вячеслав Алексеевич! — твёрже сказал Абрамцев.

— Да, да, — Савельев неподвижно стоял у мольберта, но произнёс это таким голосом, будто дважды отмахнулся от надоедливого собеседника. Потом уже, смирившись, повторил спокойно: — Да. Только скажите, что вы собираетесь делать дальше? Картина-то... интересная.

— Я...

— Это уже не наше дело, Вячеслав Алексеевич, — вмешался Абрамцев. — Уверен, Екатерина Васильевна лучше нас знает, как поступить с полотном.

— Ну да, — вздохнул Савельев.

Он и не надеялся услышать ответ. Помедлил несколько мгновений и наконец стал заворачивать картину в ткань.

Вскоре Савельев остался один. В своём тесном, пропахшем растворителями и масляными красками мирке, куда давно не пускал ни друзей, ни родственников. Собственно, за последние годы к нему никто и не напрашивался.

Когда-то Савельеву нравилось общение. Каждый человек казался таинственным полотном, покрытым своей лаковой плёнкой — пожелтевшей, грубой и скрывающей истинное лицо. Всякий раз Вячеслав Алексеевич с увлечением брался за раскрытие подлинного красочного слоя людей. Слово за слово изучал их, будто делал пробные расчистки разными эмульсиями. Авторская живопись неравномерна: некоторые мазки лежат выше, некоторые ниже. При неосторожности, глядя лишь на один пробный участок, можно снять не только лак, но и красочные пигменты, а значит, исказить картину. И каждая новая ситуация: прогулка по набережной, совместные праздники или работа, даже болтовня вечером по телефону — всё это становилось для Савельева чем-то вроде пробы-шурфа, по которому он распознавал неровности нанесённых мазков. Но всё это